Библиотека ООН
Академии Наук СССР
193
38
Р
85
Пров 38
ТЕОР. 1258

Академикъ И. В. Ягичъ

какъ историкъ русскаго языка.

Критическія замѣтки по исторіи русскаго языка. Ординарнаго академика И. В. Ягича. СПб. 1899.

Книга акад. Ягича — не что иное, какъ пространный разборъ нашихъ „Лекцій по исторіи русскаго языка", написанный имъ по порученію Академіи Наукъ. Ея задача, какъ говоритъ авторъ въ предисловіи, 1) „восполнить пробѣлы" нашего труда и 2) „выставить и оправдать свои взгляды".

Взглянемъ на „восполненіе пробѣловъ". Г. Ягичъ не разъ заявляетъ, что онъ „посвятилъ не мало времени" исторіи русскаго языка, когда преподавалъ этотъ предметъ въ петербургскомъ университетѣ, и читатель ожидаетъ у него найти большое количество матеріаловъ, извлеченныхъ изъ подлинныхъ рукописей. Публичная Библіотека, какъ извѣстно, владѣетъ огромнымъ собраніемъ памятниковъ русскаго письма, изъ которыхъ, въ цѣляхъ созданія исторіи русскаго языка, только мы воспользовались немногими; библіотека С.-Петербургской Духовн. Академіи также имѣетъ немало цѣнныхъ рукописей; наконецъ, въ библіотекѣ Академіи Наукъ и Обществѣ древней письменности находится небольшое количество рукописей, изъ которыхъ нѣкоторыя могутъ быть причислены къ очень важнымъ. Всякому понятно, что г. Ягичъ былъ не въ состояніи прочесть всѣ старшіе памятники русскаго письма, хранящіеся въ петербургскихъ книгохранилищахъ, но можно было надѣяться, что онъ исчерпалъ матеріалъ изъ такихъ па-

мятниковъ, какъ Стихирарь до 1163 г., Милятино Ев. 1215 г., Тріодъ до 1226 г., Паремейникъ 1271 г., Рязанская Кормчая 1284 г., Ев. 1317 г., Ев. 1393 г., Псалтырь 1397 г. и другіе означенные годомъ, доступные для занятій ему, какъ члену Академіи Наукъ, гораздо болѣе, чѣмъ кому-либо другому. И что же? При ченіи его книги оказывается, что для исторіи русскаго языка онъ не прочелъ *ни одной* рукописи и что онъ только заглянулъ въ немногія въ Публичной Библіотекѣ и только мелькомъ прочелъ изъ нихъ два—по три листа! Отсюда самыя удивительныя вещи. Г. Ягичъ нашелъ у Срезневскаго запись Паремейника 1271 г. (въ Публ. Библ.) и въ ней важную форму дат. мн. матигорьцамъ. Кажется, г. академику въ теченіе его почти десятилѣтняго пребыванія въ Петербургѣ и его большомъ интересѣ къ исторіи русскаго языка можно было бы справиться съ оригиналомъ, есть ли въ немъ то, что напечаталъ Срезневскій. Но г. академикъ не потрудился сдѣлать даже эту необременительную справку, и потому теперь, на стр. 117, оговаривается: „если вѣрно напечатано“! Или онъ нашелъ у того же Срезневскаго въ отрывкѣ Кіевской Пс. 1397 года (Общ. древн. письм.): прозебад, заецемъ. И здѣсь онъ не нашелъ возможнымъ обременить себя справкою (хотя онъ членъ Общества древней письменности!) и предпочелъ оговорить: „если можно положиться на . . . Срезневскаго“ (стр. 51)!

При такомъ отношеніи къ рукописному матеріалу, понятно, г. Ягичъ читалъ свои университетскія лекціи по исторіи русскаго языка почти съ тѣмъ самымъ научнымъ багажемъ, которымъ когда-то воспользовался пок. Колосовъ и который авторъ именуетъ „очень скромнымъ“ (стр. 7). Это не мѣшаетъ г. академику говорить съ укоромъ о Колосовѣ, никогда не бывшемъ столичнымъ жителемъ, что онъ „не восполнилъ пробѣловъ“ и „не провѣрилъ того, что возбуждало сомнѣніе, по подлинникамъ, хранящимся въ богатыхъ собраніяхъ рукописей въ Москвѣ и Петербургѣ“ (стр. 7), и восклицать: „*чѣмъ дальше я изучаю памятники*, тѣмъ больше убѣждаюсь“ и т. д.

(стр. 16). Равнымъ образомъ онъ позволяетъ себѣ, по поводу нашихъ изслѣдованій по древне-русской діалектологіи, высказать слѣдующую тираду: „конечно, и кой-кто другой занимался подобными вопросами уже раньше — *укажу на свои лекціи*“ (стр. 17). Если г. академикъ хочетъ здѣсь намекнуть, что галицко-волынскіе памятники были охарактеризованы имъ въ лекціяхъ раньше, чѣмъ нами, и что псковскій говоръ былъ открытъ не кѣмъ другимъ, а имъ, то мы затрудняемся дать приличное наименованіе его намеку: онъ не могъ раньше насъ сказать *ничего своего* по древне-русской діалектологіи вслѣдствіе *полнаго* незнакомства съ источниками, исключительно рукописными.

Обращаемся къ самымъ „восполненіямъ пробѣловъ“, дѣлаемымъ г. Ягичемъ съ приличною важностью и апломбомъ. Они почти всѣ сдѣланы по изданіямъ Буслаева, Срезневскаго, Бодянскаго, да по разнымъ „Актамъ“ и „Полному собранію русскихъ лѣтописей“. Значеніе этихъ любопытныхъ „восполненій“ читатель можетъ оцѣнить по слѣдующимъ примѣрамъ.

Передъ нами стр. 38. Здѣсь г. Ягичъ приводитъ всѣ собранныя имъ историческія данныя по переходу *е* въ *у* и въ *о* въ галицко-волынскомъ нарѣчіи. „Восполненіе нашего академика оказывается *излишнимъ*, думаемъ, безъ сомнѣнія, если мы имѣемъ въ рукахъ наши собственные „Очерки“ (стр. 62—63):

у г. Ягича:	наши „Оч.“:
по *нюи* грам. 1359, на *своюи* вотникѣ 1398, на *своюмъ* селѣ 1398, *своюи* женѣ 1393, у *нашюмъ* дворѣ 1407, по *бужьюмъ* порожѣньѣ 1393, *Василювъ* сынъ 1366, *грошювъ* 1378, у *Шюльжичювъ* 1366, *чтюнъ* 1398, 1400, по *нюмъ* 1422, дали *юсмы* 1398.	по *нюи* гр. 1359, у *Шюльжичювъ* 1366, *Василювъ* синъ ib., *Чюлчкъ* 1371, *Нестюръ*, *грошювъ* 1378, по *божьюмъ* нарожѣньѣ 1378, 1393, *чтюнъ* 1398, 1400, на *своюи* вотнинѣ, на *своюмъ* селѣ 1398, у *нашюмъ* дворѣ 1497 (сверхъ того, въ примѣчаніи: *своюи* женѣ, *юсмы* 1398).

Здѣсь изъ 12 примѣровъ г. Ягича 11 (всѣ, кромѣ сравнительно поздняго — 1422 г.) пять лѣтъ назадъ были приведены нами вмѣстѣ съ двумя не упомянутыми у г. Ягича, и приведены съ несравненно большею точностью: *своюи* женѣ 1398 г., а не 1393 г., *на* рожѣньѣ, а не *по* рожѣньѣ и съ важною оговоркою: *юсмы* находится только въ печатномъ изданіи Головацкаго, между тѣмъ какъ въ снимкѣ (у Срезневскаго) стоитъ *есмы*.

Идемъ далѣе.

У г. Ягича: *чотири* 1388, *чорторыискыи* 1403, *чортковичъ* 1404, *ничого* 1421, 1428, 1442, *корчовъемъ* 1424, *чоботомъ* 1445, *почонцы* 1458—9, *нашого* 1403, *нашому* 1438, въ *нашомъ* дворѣ 1430.

Наши „Оч.“: *божои*, *Стрижово* зап. Холмск. Ев., *пришодъши* 1393, *Чорторыискыи* 1403, *Чортковичъ* 1404, *ничого* 1428, 1442, *корчовъемъ* 1442, *Зудечовъскіи* 1421, 1424, *-ого* 1421, *Зудечова* ib, у *Зудечовъ* 1428, *Борѣщовку*, *чорныи* 1438, *чоботомъ* 1445.

И здѣсь почти то же, что выше. Всѣ имѣющіе цѣну примѣры, находящіеся у г. Ягича, находятся и у насъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими, но выписаны болѣе точно: у насъ Чорѣторыискыи, между тѣмъ какъ у г. Ягича Чорторыишскыи. Что же касается до примѣровъ, ненаходящихся у насъ, то изъ нихъ *чотири* читается въ *молдавской* грамотѣ 1388 г., источникѣ для знакомства съ малорусскимъ нарѣчіемъ довольно сомнительномъ, а *почонцы* ни въ одной галицко-волынской грамотѣ нами не найдено.

Передъ нами страница 39. Г. Ягичъ приводитъ *17* примѣровъ *о* изъ *е* въ московскихъ памятникахъ XV вѣка. Всѣ эти примѣры не имѣютъ никакой цѣны и *совершенно излишни* въ виду того, что въ нашихъ „Лекціяхъ“ находится 23 примѣра того же *о*, извлеченныхъ изъ средне-русскихъ памятниковъ, гораздо болѣе древнихъ, XIII—XIV в.

Передъ нами стр. 40. Здѣсь г. Ягичъ „доказываетъ“ намъ существованіе въ новгородскихъ памятникахъ „послѣ конца XII вѣка“ замѣны *ъ* черезъ *и* и приводитъ изъ Требника XIV в. (по фотолитограф. изданію) 8 примѣровъ и изъ „Памятниковъ отреч. р. литературы“ Тихонравова 6 примѣровъ. Эти примѣры также совершенно *излишни:* въ нашихъ „Лекціяхъ“ (стр. 34) приведено 27 примѣровъ той же замѣны изъ новгородскаго Ев. 1355 г. (тутъ же примѣры того явленія не изъ памятниковъ „послѣ конца XII вѣка“, а изъ Минеи 1096 г.!), а въ нашей статьѣ о новгородскомъ говорѣ *(Журн. Мин. Нар. Пр.* 1887 г. N 11), гдѣ мы сами доказываемъ существованіе въ древне-новгородскихъ памятникахъ *и* на мѣстѣ *ъ*,—приведено нами болѣе 50 примѣровъ той же замѣны изъ Ев. 1355 г. и около 40 примѣровъ изъ Ев. до 1362 г.; здѣсь же указано еще нѣсколько памятниковъ новгородскаго письма, гдѣ встрѣчается *и* вм. *ъ*, и въ числѣ ихъ названъ тотъ самый Требникъ, которымъ воспользовался г. Ягичъ (стр. 109—110).

Передъ нами стр. 47. Здѣсь авторъ въ восполненіе „Лекцій“ приводитъ изъ галицкихъ грамотъ XIV—XV в. „знаменательные“ примѣры отожествленія *ы* и *и*: *кобилѣ* 1393 г., *вгнимаючи* 1409, с *уладикою* 1422, *грывенъ* 1427, *млыны* 1438. Двѣ изъ этихъ 5 данныхъ находятся въ числѣ 10, приведенныхъ въ нашихъ „Очеркахъ“ (стр. 62); что же касается до трехъ у насъ не приведенныхъ, то изъ нихъ одна — *кобилѣ* — ошибка г. Ягича (въ грамотѣ и въ изданіи Головацкаго, которымъ г. Ягичъ пользовался—*кобылѣ*); другая — *уладикою* — читается въ другомъ изданіи грамоты 1422 г., неизвѣстномъ г. Ягичу (на которое однако указано нами и въ „Очеркахъ“, и въ библіографіи „Лекцій“), въ Akta grodzkie i ziemskie — *владыкою;* третья—*млыны*—читается въ оригиналѣ грамоты *млыны* и *ы* послѣ *л* не что иное, какъ опечатка Головацкаго. Что до примѣра *вгнимаючи*, выписаннаго авторомъ безъ всякой оговорки, то его должно считать сомнительнымъ по достоинству въ виду того, что сказано

о немъ въ нашихъ „Оч.“ (стр. 102) и на что г. Ягичъ, къ сожалѣнію, не обратилъ должнаго вниманія.

Беремъ стр. 50. Она занята данными по переходу именъ собирательныхъ ср. р. изъ склоненія ед. ч. въ склоненіе множ. ч. Г. академикъ, считая „обязанностью исторіи языка“ — „опредѣлить по возможности точно время этого перехода“, выписываетъ изъ памятниковъ XVI в. примѣры склоненія этихъ именъ въ ед. ч. и такимъ образомъ дополняетъ „Лекціи“ указаніемъ, что они склонялись въ ед. ч. „еще“ въ XVI в. Сколь *излишни* приведенныя данныя, въ этомъ г. Ягичъ, конечно, и самъ убѣдился бы, если бы прочелъ въ нашихъ „Лекціяхъ“ (стр. 153) указаніе на неизвѣстный ему фактъ, что многія изъ именъ собирательныхъ „еще“ и теперь склоняются въ ед. ч.!

Мы боимся утомить читателя продолженіемъ оцѣнки матеріала, которымъ нашъ предшественникъ „восполняетъ пробѣлы“. Мы обращаемся къ характеристикѣ способа г. Ягича пользоваться матеріаломъ.

Г. академикъ нѣсколько разъ напомнилъ намъ о существованіи описокъ въ рукописяхъ (стр. 34, 38, 47, 57, 80) и даже о томъ, что описки часто „являются подъ вліяніемъ слѣдующаго слога“ (стр. 41). Въ виду этого любопытно отношеніе его къ тѣмъ даннымъ, въ которыхъ вполнѣ позволительно видѣть и въ которыхъ мы видимъ самыя обыкновенныя, несомнѣнныя описки.

Передъ нами стр. 32. Г. Ягичъ доказываетъ, что ѣ былъ „звукъ средній между *е* и *и*“: „попадаются сплошь да рядомъ замѣны ѣ то черезъ *е*, то черезъ *и*“. Въ числѣ данныхъ, изъ памятниковъ XI, XII, XII—XIII вв., находятся слѣдующіе: въ *дене* Евг. Пс., *алефесова келесиа* Мин. 1096 г., *питателеницю* Мин. XII в., *весему* Жит. Б. и Гл., *виси* Остр. Ев., *питицами*, *различинѣ* Сб. 1073 г., *нечистиемъ* Ж. Б. и Г., *обищимъ* Ж. Савв., *проповѣдатьлъ*, *родитьлъ* Мин. XII в. Мы выписали большую часть данныхъ, которыми владѣетъ г. Ягичъ; меньшая часть или можетъ быть объяснена тѣмъ или дру-

гимъ способомъ, или также принадлежитъ къ числу описокъ, вообще не можетъ имѣть значенія и быть основаніемъ для положенія г. академика.

То же на стр. 27, 33, 47, 53, 54, 55 и др. — Кромѣ того, г. Ягичъ выказалъ примѣчательную способность къ построенію исторіи русскаго языка. Онъ не только пустилъ въ дѣло *весь* накопившійся у него матеріалъ, но даже оказался такимъ искуснымъ зодчимъ, что одинъ и тотъ же кирпичъ оказался у него одновременно въ разныхъ мѣстахъ зданія. Такъ, новгородскія формы мн. ч. *всихъ*, *всимъ* на стр. 41 приводятся въ доказательство того, что Новгородцы въ XIV в. произносили *ѣ* какъ *и*, а на стр. 124 они оказываются въ числѣ тѣхъ формъ, которыя, какъ живописно выражается г. академикъ, притягиваетъ къ себѣ „напрягающій всѣ свои силы“ имен. п. мн. *вси*.

Далѣе передъ нами „особые взгляды“ г. академика и ихъ „оправданіе“. Прежде всего замѣчаніе общаго характера.

Страницы 48 и сл. посвящены у г. Ягича переходу *е* въ *а*. Здѣсь онъ прежде всего заявляетъ, что названіе: переходъ *е* въ *а* — не точно, такъ какъ *е* переходитъ не въ *а*, а въ *я*! Потомъ онъ сообщаетъ свое мнѣніе, что разные случаи „перехода *е* въ *я*“ могли быть вызваны различными причинами. Такъ, *ѣ* въ *окромя*, *нельзя* перешло въ *я* благодаря дѣепричастіямъ на *я* [1]), *е* въ *мене* и т. п. — благодаря вліянію *мя* и проч. (стр. 49). Длинное разсужденіе г. академика объ переходѣ *е* въ *я* (котораго „отрицать нельзя“) показываетъ, что онъ не понимаетъ основнаго закона современной науки о языкѣ — не умѣетъ отличать „переходъ“ одного звука въ другой путемъ естественнаго измѣненія звука отъ замѣны одного

[1]) Г. Ягичъ не обратилъ вниманія на ъриведенное въ „Лекціяхъ“ польск. *krómia*, и повидимому не знаетъ о существованіи въ ст.-сербскихъ памятникахъ *льза*, *нельза*, съ *а* на концѣ (см. словарь Миклошича, v. *льза*).

звука другимъ подъ вліяніемъ аналогіи (объ этомъ онъ могъ бы прочесть въ нашихъ „Лекціяхъ“ на стр. 3).

Теперь частности немногія изъ многихъ, такъ какъ мы имѣемъ достаточныя основанія цѣнить не слишкомъ высоко все, что ни говоритъ г. Ягичъ, и такъ какъ если бъ мы захотѣли разобрать „Замѣтки“ страницу за страницей, намъ бы пришлось написать столько же, сколько написалъ г. Ягичъ. Сверхъ того, по нашему мнѣнію, нѣтъ надобности доказывать, что напримѣръ, присутствіе окончанія *ши* (2 л.) почти во всѣхъ слав. нарѣчіяхъ издревле — не позволяетъ считать его русскимъ новообразованіемъ; или что въ виду отсутствія въ малорусскомъ нарѣчіи какой бы то ни было склонности къ сокращенію конечнаго слога (оно сохраняетъ даже всегда неударяемое *ъ* въ твор. ед. и почти всегда неударяемое *і* въ род. ед.), нѣтъ возможности видѣть въ *ть* (неопред. н.) сокращеніе изъ *ти;* или что ф. 1 мн. *есмя* находится въ старомъ московскомъ говорѣ (Ев. 1393 г.), въ которомъ намъ неизвѣстна ф. *есме*, и что уже потому нельзя объяснять *есмя* изъ *есме*. Г. академикъ въ этихъ вопросахъ не можетъ быть тронутъ ни какими нашими доводами и не согласится ни за что съ тѣмъ, что высказано впервые лицомъ не изъ его лагеря. Вслѣдствіе этого мы касаемся только немногаго, исключительно для ознакомленія съ „научностью“ нашего академика.

На стр. 59 онъ упоминаетъ о сокращеніи формъ *домови* и *долови* въ *домовъ* и *доловъ*. Здѣсь нѣтъ никакого сокращенія: формы *домовъ* и *доловъ*, какъ показываетъ *і* въ малорусск. *домівъ*, *долівъ* и *ů* въ чешск. *domův*, *dolův*, существовали еще въ тѣ времена, когда русскій языкъ едва ли могъ знать сокращеніе, во всякомъ случаѣ въ эпоху до исчезновенія глухихъ въ концѣ словъ.

На той же стр. говорится объ переходѣ *хотя* въ *хоть* черезъ *хоте* и *хоти*, съ ссылкою на грам. 1509 г.: *хоти* до десяти сводовъ. Этотъ забавный переходъ придуманъ г. Ягичемъ совсѣмъ по напрасну; въ его цитатѣ надо читать не *хоти*, а *хоть и*, или *хотя и*! Здѣсь мы

имѣемъ дѣло только съ неправильнымъ чтеніемъ издателей „Актовъ Археограф. Экспед.“ Равнымъ образомъ *сказывашь* грам. 1433 г., которому г. Ягичъ придаетъ немалое значеніе (стр. 62), по всей вѣроятности — произвольное чтеніе рукописнаго *сказыва*^{ш}.

На стр. 60 г. Ягичъ, не ограничиваясь открытіемъ въ русскомъ языкѣ перехода неударяемаго *ю* въ *и* или даже *е* (въ творит. ед., по Ягичу, *женою* перешло сначала въ *женои—женое*, потомъ въ *женой*, но къ сожалѣнію, эти любопытныя формы твор. на *и* и *е* въ настоящее время уже неизвѣстны, хотя *ю* благополучно существуетъ) [1]) открываетъ еще переходъ ударяемаго *ю* въ *и*, къ сожалѣнію, только въ одномъ словѣ—въ *межи*. Между тѣмъ несомнѣнно, что это *межи*, съ *и*, очень древне: здѣсь мы имѣемъ дѣло съ формою мѣстн. п. существительнаго *медјь*, которая въ русскомъ языкѣ вполнѣ правильно звучитъ *межи* (сравни *мiжь* изъ *межь*, вин. ед., въ современномъ малорусскомъ), а въ польскомъ *miedzy*, *między*.

На той же стран. и на 61 г. Ягичъ увлекся розыскомъ сокращеній до того, что объяснилъ *тôлько*, *кôлько* изъ *толико*. *колико*, а *старшій*, *старшина* изъ *старѣйшій*, *старѣйшина*. Какъ извѣстно, малорус. нарѣчіе имѣетъ *тілько*, *кілько* изъ *только*, *колько* и древность здѣсь *ь* не подлежитъ сомнѣнія (сверхъ того, ср. польск. *tylko*. чешск. *tolko*), а *старшій* находится въ самой тѣсной связи съ сравнит. степ. *старе* (даже у Пушкина: *по-старе*, Дом. въ Кол.); сравн. польск. *starszy*, *starszyna*, *starszyzna*, чешск. *starší* и т. п.

На стр. 62 приведены примѣры сокращенія *и онъ* въ *инъ*: си грамота аже будеть князю нелюба, *инъ* отошлетъ и т. п., причемъ указывается, что *и онъ* перешло въ *инъ* не путемъ стяженія гласныхъ, а путемъ выпаде-

---

[1]) Кстати: г. Ягичъ не объясняетъ, какъ образовалось *нѣтъ* изъ *нѣту*, — черезъ посредство *ы* и *о*, или иными какими путями.

нія *о* „какъ менѣе важной гласной, чѣмъ *и*“ (это — ударяемое *о* въ односложномъ словѣ—подлежащемъ!). Къ сожалѣнію, *инъ, ино,* обычная частица стараго великорусскаго нарѣчія, есть не что иное, какъ соединеніе *и* и *нъ, но* (сравни соврем. *анъ* изъ *а+нъ),* и тѣ немногія *ини, инъ, ина,* которыя подчеркнулъ г. академикъ въ разныхъ „Актахъ“, — несомнѣнныя описки или опечатки.

На стр. 65 сдѣлано дополненіе къ „Лекціямъ“ — указано на переходъ *г* въ *к* въ *поперекъ* и приведены данныя изъ великорусскихъ грамотъ XVI в., въ родѣ *поперегъ рѣчкою, поперегъ поля.* Г. Ягичъ серьозно думаетъ, что здѣсь произносилось *г.* Какъ будто переходъ звучныхъ въ отзвучные не совершился въ великор. нарѣчіи еще въ XIII—XIV в. и возможно предположить для Великорусса XVI в. произношеніе *поперегъ поля,* съ *г*!

На той же стр. онъ высказываетъ „убѣжденіе“, что *четвергъ* вышло изъ косвенныхъ падежей, гдѣ сначала произносилось *четвьртъка́,* потомъ *четверка́* и наконецъ *четверга́.* Къ сожалѣнію, желая подкрѣпить ползущее въ разныя стороны „Правописаніе“ своего собрата по академіи, г. Ягичъ упустилъ изъ виду 1) существованіе въ русскомъ языкѣ *к* въ словахъ въ родѣ *порткú* (если *четвертка́* перешло въ *четверга́,* очевидно и *порткáмъ* слѣдовало перейти въ *порги́)* и 2) многочисленныя данныя нашихъ старыхъ памятниковъ: Типогр. Ев. N 6 XI—XIII в. (гал.-вол.): четвергъ 201 об. и др. (часто); Синод. Стихирарь N 278 XII—XIII в. N: четьргъ 2 об., четвьръ 18 об. и друг.; Минея Моисея Кіевлянина XII—XIII в.: твьрьгъ 223; Новг. Паремейникъ 1271 г.: четрь 126 об.; новгор. Кормчая ок. 1282 г. (вопрос. Кирика): четвергъ 520 об.; Обиходъ церк. Рум. М. N 284 XIII в.: четвергъ 96, 101 об. и др.; Погод. Ев. N 16 XIV в.: четвергъ 108 об.. Ипатскій списокъ лѣтописи, который бы долженъ бытъ хорошо извѣстенъ г. Ягичу, имѣетъ даже прилагат.— *четвержьный* день 301.

На стр. 75 объясняется мягкость въ *рюшити, стюденъ.* По г. Ягичу, *р* въ первомъ словѣ смягчилось подъ

вліяніемъ глагола *рютити*, а *т* во второмъ „обязано своею мягкостью слову противоположнаго значенія—*теплъ*“! Здѣсь же, подъ пару къ объясненію *студенъ*, объясняется *чечевица* изъ *сочевича*! Г. Ягичъ серьезно думаетъ, что въ этомъ словѣ мы имѣемъ дѣло со „смягченіемъ (передъ *о*!) свистящей согласной и съ переходомъ ея въ соотвѣтствующую шипящую“!

Стр. 78—80 посвящены г. Ягичемъ повѣствованію о „нелюбви“ и даже „отвращеніи“ Русскихъ къ сочетанію *сц* и его слѣдствіи—образованіи формъ въ родѣ *Смоленскъ*, причемъ онъ выписалъ, по обычаю, часть данныхъ, приведенныхъ въ нашихъ „Лекціяхъ“. Къ сожалѣнію, онъ ошибся. Сочетаніе *сц*, хотя не пользовалось у насъ особенною любовью, но и не избѣгалось; по крайней мѣрѣ *исцѣлю*, *расцвѣтъ* и т. п. не только существовали у насъ въ глубокой древности, но существуютъ и теперь; формы же *Смоленьскъ* и т. п., выписанныя г. академикомъ, вѣроятно, восходятъ не къ *Смольньсцъ*, а къ *Смольньстъ*, что можно видѣть изъ нашихъ старыхъ текстовъ. Въ послѣднихъ формы въ родѣ *русьстиі* — явленіе самое обыкновенное, а *русьсциі* — рѣдкость. Сверхъ того, г. Ягичъ не объяснилъ, почему *Смольньсцъ*, при появленіи „отвращенія“ къ *сц*, перешло въ *Смольньскъ*, а не было замѣнено параллельною и очень употребительною ф. *Смольньстъ*. Что до *проскъпъ*, *оскъпище* и т. п., приведенныхъ изъ памятниковъ XIV—XV в., то едва ли слѣдуетъ придавать значеніе ихъ *ъ* и предполагать, что на мѣстѣ *ск* было непремѣнно *сц* или *ст*: обычное великор. произношеніе — *роскѣпъ*, не *роскепъ* (сравн. др.-р. *скърбь*, гдѣ *ск*, конечно, не изъ *сц*, *ст*).

На стр. 92 мы находимъ у г. Ягича предположеніе, что формы *тобѣ*, *собѣ* — преимущественно *южно*-русскія: г. академикъ не знаетъ того, что бѣлорусское нарѣчіе имѣетъ дат. *табѣ*, *сабѣ* постоянно (*цибѣ* — неизвѣстно), а въ великорусскомъ *тобѣ*, *собѣ* или *табѣ*, *сабѣ* значительно преобладаютъ надъ *тибѣ*, *сибѣ*.

Стр. 112 сл. заняты объясненіемъ им. мн. на *я*: *кня-*

зья, бояря. Князя, по мнѣнію г. Ягича, образовалось *князье* (съ очень страннымъ, даже невозможнымъ ударе-ніемъ!), а это послѣднее — подъ вліяніемъ *гостье*. Но ф. *князя*, какъ ф. единств. ч., засвидѣтельствована памятниками (см. наши „Лекціи"), а ф. *князье* — совершенно неизвѣстна, и образецъ ея — *гостье, людье, звѣрье* исчезъ давно уже изъ употребленія, не перейдя въ *гостья* и др. Тутъ же г. академикъ объясняетъ малорусск. *татарва́* (изъ сѣв.-в.-р. *тата́ровя*!) и *латина* (изъ *латиня, латине*!). Кстати: онъ не знаетъ о существованіи ф. мн. ч. *дружья* и т. д., сохранившейся въ южно-великорусскихъ говорахъ и очень важной для объясненія ф. *друзья* (ср. др.-р. им. мн. ед. *княжья*).

На стр. 142 г. академикъ поправляетъ насъ и указываетъ, что будущее изъ *почьну* и т. п. съ неопред. н. было у насъ въ старину совсѣмъ не рѣдкость. При этомъ онъ, по обыкновенію, наполняетъ цѣлую страницу примѣрами изъ актовъ XIV, XVI, даже XVII в. Но онъ не совсѣмъ понялъ насъ. Мы говорили о будущемъ сложномъ изъ *почьну* и ф. неопр. н., въ которомъ глаголъ *почьну* не имѣетъ собственнаго значенія и играетъ роль вспомогат. глагола, т. е. = *есмь*; между тѣмъ въ *всѣхъ* многочисленныхъ примѣрахъ у г. Ягича мы имѣемъ дѣло съ глаголомъ *почьну* съ самостоятельнымъ значеніемъ, = соврем. глаг. *начну*, который будущему сложному др.-р. языка не находится ни въ какомъ отношеніи.

На стр. 144 рѣчь идетъ о судьбѣ глагольной ф. сослагат. н. Г. Ягичъ говоритъ о „колебаніи чутья для правильнаго употребленія глаголовъ *быхъ* и *есмь*" и о томъ, будто бы на форму *бысте* стали смотрѣть какъ на сложенную изъ *бы* и *есте*. Этотъ шумъ поднятъ имъ вслѣдствіе того, что у насъ въ „Лекціяхъ" онъ нашелъ нѣсколько примѣровъ, въ родѣ—любили *бы* мя *бысте*, взятыхъ изъ списковъ Евангелія XIII—XIV в. Но по напрасну: эти немногія формы, гдѣ писецъ подправилъ старую форму на новый ладъ, внесши частицу *бы*, совсѣмъ

чужды языку грамотъ и должны считаться искусственными, исключительно книжными.

На стр. 145 г. Ягичъ сообщаетъ примѣчательный фактъ, что ф. повел. н. *даи* „существовала уже въ XIV в.“ Мы можемъ изумить его: эта форма въ нашихъ старыхъ памятникахъ такъ обыкновенна, что находится даже въ Остромировомъ и Мстиславовомъ Ев.; въ первомъ онъ можетъ прочесть: *даи* ему Господь Богъ, а во второмъ: *даи* же ѥму Господь Богъ (записи).

На стр. 146 мы читаемъ объясненіе 2 л. ед. *хощь* изъ *хощи*. Г. Ягичъ, оказывается, забылъ, что *хощи*—ф. церк.-слав. (съ *щ* изъ *тj*) и что въ живомъ русскомъ яз. она не могла существовать. Равнымъ образомъ ему осталось неизвѣстнымъ, что большая часть русскихъ говоровъ имѣютъ не *хощь* (эта ф. только въ нѣкоторыхъ великор.), а *хочь*, изъ котораго, конечно, и образовалось *хощь*.

Мы могли бы выписать еще цѣлый рядъ удивительныхъ по всей научности объясненій нашего академика, если бы наша статья не вышла длинною. Поэтому мы ограничимся выраженіемъ сожалѣнія, что г. Ягичъ взялся за предметъ — за исторію русскаго языка — безъ надлежащаго ознакомленія съ фактическимъ матеріаломъ и составилъ свои университетскія лекціи (давшія содержаніе настоящихъ „Замѣчаній“) слишкомъ на скоро, безъ должной обдуманности и безъ удержанія своей фантазіи. Хотя мы никогда не цѣнили высоко изслѣдованій г. Ягича (всегда наскоро составленныхъ и никогда не свободныхъ отъ фантазированія), тѣмъ не менѣе должны признать, что „Критическія Замѣтки“, первый крупный экскурсъ его въ исторію русскаго языка, много ниже всего, что онъ до сихъ поръ написалъ, и не дѣлаютъ чести ни ему, ни нашей Академіи Наукъ.

А. Соболевскій.

Библиотека ООН